

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-110-117
УДК 821.161.1

Дата поступления статьи: 21/IX/2018
Дата принятия статьи: 25/X/2018

Г.Ю. Карпенко, Л.Б. Карпенко

**БАЗАРОВ И ЕГО РОДИТЕЛИ: ПРИЧИНЫ АЛЕКСИТИМИИ ГЕРОЯ
(ПО РОМАНУ И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)**

© Карпенко Геннадий Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

© Карпенко Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

АННОТАЦИЯ

В статье, посвященной изучению романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», рассматривается проблема «семейного круга» Базаровых, реконструируются взаимоотношения родителей с сыном в его младенчески-детские годы, прослеживается влияние «спартанской этики» отца и чрезмерной любви, «колыбельного перекармливания» матери на формирование психоментальной структуры личности героя. В свете психоанализа и «практической теории» алекситимии вскрываются причины сдержанного отношения Базарова к родителям; сын возвращает им то, что они невольно, не подозревая этого, в любви к нему и в заботах о нем в нем породили: скудную эмпатию, стереотипность мышления и языковую закрепощенность, действия по «архаическому алгоритму», «идиосинкразию», болезненную реакцию на все поэтически возвышенное. Детство не оставило в жизни героя почти никакого созидающего «воспоминательного следа». В отличие от героев Ф.М. Достоевского, у Базарова не было «святого и драгоценного воспоминания», унесенного им в жизнь из детства и благодатно отозвавшегося в его сердце. Между отчим домом и Базаровым лежит психологическая пропасть, «выкопанная» родителями. Поэтому понятно, почему он бессознательно не спешит возвращаться домой: родительский дом вызывает в нем чувство скуки; он кружит возле «материнского очага», но домой долго не едет, не приезжает даже на день своего Ангела, когда с «изнывающим сердцем» его особенно ждут мать и отец. Алекситимику Базарову, осуществляющему механические действия, не находящему места, где бы произошло воссоединение тела с душой, тело начинает мстить и «разговаривать» с ним симптомами болезни, соматическими ошибками, неизбежно ведущими к катастрофе. Родительский дом оказывается для Базарова «фобийным» местом, которое пробуждает в сознании героя образы и состояния скуки, пустоты, темноты, символически закрепленные в последнем его восприятии-вздохе уходящей жизни – смерти: «Теперь... темнота...».

Ключевые слова: комплекс «младенческого перекармливания», чрезмерная любовь, детская память, скука.

Цитирование. Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б. Базаров и его родители: причины алекситимии героя (по роману И.С. Тургенева «Отцы и дети») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 110–117. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-110-117>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

G.Yu. Karpenko, L.B. Karpenko

**BAZAROV AND HIS PARENTS: CAUSES OF ALEXITHYMIA OF A HERO
(FROM THE NOVEL BY I. S. TURGENEV «FATHERS AND SONS»)**

© *Karpenko Gennady Yurevitch* – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

© *Karpenko Lyudmila Borisovna* – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

ABSTRACT

In the article, devoted to the study of the novel of I.S. Turgenev «Fathers and sons», the issue of «family circle» of the Bazarovs is viewed, the relationship of parents with their son in his infant-childhood is reconstructed, the influence of the «Spartan ethics» of the father, and of love, «lullaby of overfeeding» of the mother on the formation of psychomental structure of the personality of the hero is traced. In the light of psychoanalysis and the «practical theory» of alexithymia, the reasons for Bazarov's restrained attitude to parents are revealed; the son returns to them that they unwittingly, without suspecting it, in love to him and in cares of him in him generated: meager empathy, stereotype of thinking and language enslavement, actions on «archaic algorithm», «idiosyncrasy», painful reaction to all poetically sublime. Childhood thus left in the life of the hero almost no creative «memory trace». Unlike the heroes of F. M. Dostoevsky at Bazarov was not «sacred and precious memories», carried by him in life from childhood and grace echoed in his heart. Between father's house and Bazarov lies the psychological abyss, dug by the parents. Therefore, it is clear that he does not hurry to return home: he circles near the «mother's hearth», but does not go home for a long time, does not come even on his angel's day, when his mother and father are especially waiting for him. For Bazarov parental home associated with a sense of boredom. Alexithymic Bazarov, who performs mechanical actions, does not find a place where there was a reunion with the soul, the body begins to take revenge and «talk» with him about symptoms of the disease. Parental home is for Bazarov «phobic» place that awakens in the consciousness of the hero images and states of boredom, emptiness, darkness, symbolically fixed in his last perception of the outgoing life – death: «Now... darkness...»

Key words: complex of «infant overfeeding», excessive love, children's memory, boredom.

Citation. Karpenko G.Yu., Karpenko L.B. *Bazarov i ego roditeli: prichiny aлекситимии geroya (po romanu I.S. Turgeneva «Ottsy i deti»)* [Bazarov and his parents: causes of alexithymia of a hero: (from the novel by I.S. Turgenev «Fathers and sons»)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 110–117. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-110-117>.

Введение

Ю.В. Манн в своей известной статье о романе Тургенева «Отцы и дети» «Базаров и другие» (1969) пишет: «Базаров – редкий пример тургеневского персонажа, у которого не только отсутствует предыстория, но по отношению к которому писатель совершенно не применяет и интроспекцию (авторское объяснение и проверку субъективного мира)» [Манн 1987, с. 102]. Действительно, базаровский тип личности – необычное антропологическое явление, напрямую не обусловленное культурно-историческими реалиями эпохи: вывести ценностные качества героя из свойств социальной среды не представляется достоверно возможным (пресловутый, но эффективный детерминизм в объяснении других героев мало полезен в расшифровке база-

ровского феномена). Данная «герметичность» Базарова определила и исследовательские подходы описания его образа: большинство из них посвящены изучению идеологии и характерологии героя, а также развитию «диалогического конфликта», в пределах которого – в столкновениях со своими оппонентами (реальными и метафизическими) – он себя и обнаруживает [Маркович 2008, с. 507–540; Маркович 2018, с. 141–410]. В целом сложилось убеждение, что Базаров – человек без предыстории, что невозможно проникнуть в его субъективный мир, каким он складывался в предшествующие годы. Однако если о студенческом периоде жизни героя нам ничего не известно (о нем можно судить только по книгам, которые он окружающим предлагает почитать, и по кругу его городских знакомств, – с предположением, что

его столичные знакомцы были такие же), то о детских годах, об отношениях с родителями кое-что известно. И воспользоваться «кое-чем», чтобы проникнуть в «психоментальную матрицу» внутреннего мира Базарова, — для исследователя заманчивая перспектива.

На такую возможность проникновения в душевный мир детства Базарова указала I. Masing-Delic. Используя нетрадиционный для отечественного литературоведения «архетипический» подход, I. Masing-Delic при изучении творчества И.С. Тургенева обращает внимание на «физиологизацию» отношений между родителями и Базаровым [Masing-Delic 1985, с. 372–373]. В связи с этим и встает вопрос, какова роль подобной «физиологизации», «вегетативности» в становлении психотипа личности героя. «Вегетативный» период жизни Базарова — это скрытая и значимая для всей последующей жизни часть его психоментальной биографии. О судьбосной значимости младенчески-детских отношений ребенка с родителями Д. Макдугалл пишет: «Психоанализ учит нас, что сценарии были написаны годы назад наивным детским Я» [Макдугалл 2002, с. 4].

Постановка проблемы

При осмыслении возможных причин формирования такого яркого антропологического (психосоматического) типа, каким, безусловно, является Базаров, исследовательский взгляд естественно обращается к «семейному кругу», родительскому дому, к матери и отцу героя. Если признать справедливыми выводы, что Базаров по психоментальному складу является алекситимиком, то интересно рассмотреть, как И.С. Тургенев описывает отношение сына к родителям, а также заманчиво реконструировать «психологическую основу» родительского влияния на него. Если даже не признавать выводов о том, что Базаров является алекситимиком, то как раз анализ проблем «семейного круга» приводит к закономерному заключению.

Один из необъясненных и/или замалчиваемых вопросов, почему Базаров, направляясь после учебы домой, так долго не едет к своим родителям, находясь от них на расстоянии «протянутой руки»? В свете «практической теории» алекситимии поведение Базарова объясняется.

Ход и результаты исследования

Алекситимик наделен скудными способностями к эмпатии, к выражению сопереживания, сочувствия, сострадания, и если он откликается на ожидание (боль) другого, то это скорее есть проявление с его стороны не сердечной эмоции, а функциональной реакции, или есть исполнение долга, который его наконец-то «достал» [Москачева, Холмогорова, Гараян 2014, с. 98–114] (как в случае посещения родителей Базаровым, которое он откладывает чуть ли не на два месяца, хотя и находится от них поблизости, совсем рядом).

Алекситимика не спасает даже «радость встречи» — долгожданной встречи после нескольких лет

разлуки с близкими и родными: в такой ситуации человек обычно делится своими новостями, впечатлениями, эмоциями, наслаждается общением, даже разговорами ни о чем. Но только не алекситимик. Базаров, три года отсутствовавший дома, отправляясь к родителям, задерживается по дороге к ним больше чем на месяц в имении Кирсановых, в городе и в усадьбе Одинцовой (вспомним: в Марьино друзья приезжают 20 мая 1859 года, а к Одинцовой в Никольское отправляются 22 июня. «Аркадий и Базаров... провели дней пятнадцать у Одинцовой» (Тургенев, с. 85)). При этом он не тянется к родителям, не испытывает чувства щемящей разлуки с отцом и матерью, а исполнение сыновнего долга откладывает «на потом», все «мешкает». Даже понимание, что на день Ангела его дома ждут, не размягчают черствого сердца Базарова: «Сегодня меня дома ждут... Ну, подождут, что за важность!» (Тургенев, с. 75), «Ах, Евгений Васильевич, как не ждатель-то-с! Верите ли богу, сердце изныло на родителей на ваших гляючи» (Тургенев, с. 89).

Казалось бы, от таких слов, произнесенных Тимофеичем (бывшим дядькой Базарова), сердце должно было бы дрогнуть, сын должен был бы услышать зов-ожидание родителей: бросить все «важные дела с микроскопом» и с покаянным (и/или радостным) чувством «блудного сына» приехать в отчий дом. Но Базаров эмоционально глух и сердечно неотзывчив, он как алекситимик страдает душевным бесчувствием: не способен испытывать эмпатию, чувствовать настроение или состояние других людей, в данном случае — своих родителей. Так, для него сердобольность его матери (еще до приезда к ней) вызывает в нем скуку: «Одно скучно — мать у меня такая сердобольная» (Тургенев, с. 104). Или такая характерная деталь: Базаров, находясь рядом с домом («Кстати — и моего отца усадьбишка оттуда не далеко» (Тургенев, с. 104)), понимает, что нужно дать родителям весть о себе, сообщить, что скоро (через месяц) он к ним приедет. Но и такого простого сыновнего долга, требующего от него только «информативной эмоции», он исполнить не может. Ему мешает «эмотивная необразованность» даже перед дуэлью: «Базаров начал было письмо к отцу, да разорвал его и бросил под стол» (Тургенев, с. 142–143).

И приезд Базарова в родительский дом («Его еще дед построил» (Тургенев, с. 118)) не пробудил в его сердце сыновней любви и отзывчивости. В родном доме он живет в пространственной и эмоциональной изоляции от отца и матери, в отрыве от их чувств и переживаний. Быть «запертым в себе и от родителей» — желание Базарова. «У вас по крайней мере запереться можно, — говорит он Аркадию. — А то здесь отец мне твердит: «Мой кабинет к твоим услугам — никто тебе мешать не будет»; а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, как она вздыхает за стеной, а выйдешь к ней — и сказать ей нечего» (Тургенев, с. 126), «Он редко

обращался к ней, и то с коротеньким вопросом» (Тургенев, с. 125).

Но даже тогда, когда Базаров «роняет» слова для матери, то они поражают душевной черствостью: «Раз он попросил у ней руку «на счастье»; она тихонько положила свою мягкую ручку на его жесткую и широкую ладонь.

— Что,— спросила она, погодя немного, — не помогло?

— Еще хуже пошло, — отвечал он с небрежною усмешкой» (Тургенев, с. 125).

Можно (трудно даже) представить, какой болью его слова отозвались в сердце матери: воистину не сын, а «призрак» сына, который своим странным отрешенным поведением буквально «терроризирует» родителей. Те в страхе не знают, что делать, как себя вести с сыном при редких встречах с ним в собственном доме: «Василий Иванович... прикорнув на диване в ногах у сына, собирался было поболтать с ним, но Базаров тотчас его отослал, говоря, что ему спать хочется, а сам не заснул до утра» (Тургенев, с. 113), «Она боялась ласкать Базарова, и он не ободрял ее, не вызывал ее на ласки; притом же и Василий Иванович присоветовал ей не очень его «беспокоить»» (Тургенев, с. 125), «...видела сына только за столом и окончательно боялась с ним заговаривать» (Тургенев, с. 171).

Нетрудно заметить, как И.С. Тургенев намеренно объективирует, «обезличивает» сыновнюю субъектность. В рассматриваемых эпизодах сын вопреки ситуативной логике назван писателем Базаровым: ведь все-таки мотивированно уместней было бы сказать, что сын (Евгений), а не Базаров тотчас отослал отца и что мать боялась ласкать сына (Енюшку), а не Базарова. В данном случае употребление фамилии «Базаров» — номинативный сигнал внутренней отдаленности-оторванности сына от родителей, намек на ненормальность его эмоциональной сухости. И.С. Тургенев, называя героя Базаровым, словно «не пускает» его в качестве сына в родительский круг, но туда «не пускает» себя даже не сам Базаров, а сформировавшийся комплекс сыновнего отчуждения от родителей, возникший вследствие безграничной любви к нему. Вот эту обособленность-отстраненность сына от родителей и передает писатель антропонимом «Базаров». Алекситимик (психосоматически изолировавший сам себя герой) ментально не связан с близкими ему людьми и не проявляет интереса к их чувствам, к их внутреннему миру: «Базарову было не до того, чтобы разбираться, что именно выражали глаза его матери» (Тургенев, с. 125).

Чтобы усилить алекситимию героя (если бы писатель знал, что он «диагностирует» такую «болезнь»), И.С. Тургенев прибегает к сопоставлению «нормы» и «отклонения»: постоянно соотносит бесчувствие, бессердечие Базарова (как «отклонение») и душевную чуткость, отзывчивость Аркадия Кирсанова (как «норму»). Рядом с «лингвистической алекситимией» Базарова, сердце которого не откликается добрым словом на заботу матери, звучит апофеоз в ее адрес со стороны Аркадия: «Ты матери своей не знаешь, Евгений. Она не только от-

личная женщина, она очень умна, право. Сегодня утром она со мной с полчаса беседовала, и так дельно, интересно» (Тургенев, с. 126). Базаров же свое отношение к матери не одушевляет, а «физиологизирует», рационализирует, «омертвляет»: «Ягодами, что ли, она тебе угодила?», «Коли может женщина получасовую беседу поддержать, это уж знак хороший» (Тургенев, с. 126). Для него мать не неповторимо близкое существо, а воплощенный абстрактный субъект, угощающий и, может быть, умно говорящий.

Естественно возникает вопрос, как стал возможен такой психосоматический тип личности, как Базаров? Другими словами, как появляются алекситимики, откуда они берутся, как формируются их странности?

В исследованиях, посвященных изучению алекситимии, сформировалось несколько подходов и концепций, объясняющих причины происхождения (возникновения) странного психического состояния; рассматриваются биологические, травматические, социальные, педагогические, психологические, лингвистические и др. истоки ментального отклонения [Коростелева 1993; Трунов 2010].

Текст романа И.С. Тургенева дает основание гипотетически и/или точно зафиксировать все названные **первопричины алекситимии Базарова**.

Достоверными причинами алекситимии Базарова могут считаться в их совокупности социальные, педагогические, психологические и, как естественное продолжение, лингвистические.

Эмоционально-поведенческая странность героя есть **результат** пребывания его в особой социокультурной — университетской научно-студенческой — среде: Базаров — один из лучших выучеников естественнонаучной эпохи (об этом много и подробно писалось).

Безусловно, **исток** алекситимии Базарова **могут быть (и являются) педагогические, начально-образовательные упущения**, когда, будучи ребенком (подростком, юношей), он не приобрел опыта обозначения (символизации) своих переживаний, не встретился с эмоционально возвышенными «образцами» выражения чувств, не познакомился ни с художественной, ни с философской традицией описания и осмысления тайн мира и человеческой души. Как мы помним, Базаров о Пушкине мог сказать (почти безапелляционно) только то, что читать Пушкина — «это никуда не годится... пора бросить эту ерунду» (Тургенев, с. 45), что «он, должно быть, в военной службе служил... у него на каждой странице: На бой, на бой! За честь России!» (Тургенев, с. 121). Для человека катастрофично не то, что он не знает Пушкина, а то, что он не усвоил языка пушкинского мировосприятия, открывающего возможность человеческой душе пережить эстетико-эмотивную радость трепетного родства с природой, человеком и Вселенной. В «младенчестве» у Базарова не случилось «поэтико-психоментального» возрастания. Языковая художественная необразованность Базарова в союзе с естественнонаучными пристрастиями сформировали его альтернативное убеждение: «Порядочный хи-

мик в двадцать раз полезнее всякого поэта» (Тургенев, с. 38).

Социальные и педагогические причины алекситимии влияют и на работу сознания ее носителя. Характерными «лексико-гносеологическими» свойствами алекситимической личности является «слепота фантазии»: скудость воображения с дефицитом образного восприятия, стереотипность (архаичность) мышления с недостаточной способностью к символизации. Базаров блокирует всякий выход окружающих в сферу прекрасного, у него возникает «идиосинкразия», болезненная реакция на все поэтически возвышенное: он перебивает Николая Петровича возгласом «Пришли мне спичку, нечем трубку раскурить» (Тургенев, с. 17), когда тот начинает цитировать «весенний» стих из «Евгения Онегина», встречает хохотом недоумения звуки виолончели, когда отец Аркадия играет Шуберта («медом разливалась по воздуху сладостная мелодия» (Тургенев, с. 43)), просит друга не говорить «красиво» (Тургенев, с. 121) и т. д.

Стереотипность мышления Базарова проявляется в его склонности оценивать жизненные ситуации по «архаическому алгоритму»: «Взялся за гуж — не говори, что не дюж», «От копейной свечи, вы знаете, Москва сгорела», «Бабушка надвое сказала», «Шила в мешке не утаишь», «Там хорошо, где нас нет», «Мертвый живому не товарищ», «На нет и суда нет», «Бедность, говорят, не порок» и др. В горизонте такого архаического мышления не может возникнуть ничего впечатляюще нового: все подводится под «лексический трафарет». У Базарова стигматизированное (стереотипное) восприятие. «Украшенность» его речи поговорками и пословицами — это внешняя форма его индивидуальной лингвистической (языковой) закрепощенности, указывающей на особенность его психоэмоциональных «зажатых» («стертых») личностных реакций. Как языковая личность Базаров — «лексический симулякр».

В романе мы находим два примера сознательной символизации чувств и переживаний Базарова: воспоминание о детстве и размышление у стога сена (бредовое и предсмертное состояние — предмет отдельного размышления). В науке данные эпизоды символизации рассматриваются в свете концепций памяти детства и посетившей любви. Но они есть и закономерные проявления алекситимии героя — «на входе» и «на выходе».

Чтобы понять особенности отношения героя к детству, проективную силу/слабость его детских воспоминаний, целесообразно сравнить значение «детской памяти» в жизни Базарова с той ролью, какую играет «детская память» в мире Ф.М. Достоевского [Томпсон 2000]. В «Дневнике писателя за 1877 год» содержатся проникновенные слова о воспоминаниях детства: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек... Воспоминания эти могут быть даже тяжелые, горькие, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души» (Достоевский, т. 25, с. 171–172). В романе «Братья Карамазовы» старец

Зосима свидетельствует: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное» (Достоевский, т. 14, с. 263–264).

Такого контекста-сравнения достаточно, чтобы понять, что детство не властно над Базаровым, оно не оставило в его жизни почти никакого созидющего «воспоминательного следа». «На входе» алекситимического состояния «детское» кодируется как временное, проходящее, то, что с возрастом «сгорает», исчезает бесследно, не «растет» в будущее. Может быть, утрата-забвение «детского» и стало началом алекситимии героя. Между «детскостью» Базарова и его «взрослостью» лежит «травматическая пропасть» («бездонная пропасть базаровского самолюбия» (Тургенев, с. 102)), словно его детство прожило зря, не несло в себе никакой витальности, никаких интимно-младенческих связей с миром и традицией. Взрослый, он всматривается в прошлое и ничего там не видит или видит то, что уже «не действует»: «Широко раскрыв глаза, он злобно глядел в темноту: воспоминания детства не имели власти над ним» (Тургенев, с. 113), «Та осина... напоминает мне мое детство; она растет на краю ямы, оставшейся от кирпичного сарая, и я в то время был уверен, что эта яма и осина обладали особенным талисманом: я никогда не скучал возле них. Я не понимал тогда, что я не скучал оттого, что был ребенком. Ну, теперь я взрослый, талисман не действует» (Тургенев, с. 118).

Принято считать, что Базаров «вырос», изменился под влиянием любви, «дорос» до философа и поэта. Безусловно, «плебейская» любовь Базарова к Одинцовой «встряхнула» его внутренний мир, но не перестроила, не преобразила его. Она открыла ему глаза в пустоту, куда неизбежно и ведет алекситимия. «На выходе» следствием алекситимии Базарова является его философствование, его «мнимопаскалевское» размышление об одиночестве во Вселенной: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразия! Что за пустяки!» (Тургенев, с. 119).

«Мысли» Блеза Паскаля — это есть апофеоз Богу и человеку, «мыслящему тростнику», «благоприспособленному» утверждающему свое достоинство, «наше достоинство», — образ Божий в себе [Паскаль 2009]. Базаровские же размышления, внешне похожие на паскалевские, обозначают утрату образа («безобразия»), не союз-встречу с высшим, а разрыв с ним, атомизацию человека, превращение его в «математическую точку». Если, по мысли Лейбница, сама природа в своих самых мельчайших

единицах — в монадах — наделена универсальной восприимчивостью, врожденным чувством отклика и стремлением к согласию [Лейбниц 1982, т. 2, с. 53–54], то для Базарова человек — «атом», «математическая точка» — изолированное существо, одинокое во Вселенной. Герой прошел мимо религиозно-философской, пантеистической традиции восприятия мира и человека, — прошел, но не по своей воле. Он алекситимик, и для него внутренние ощущения привычной выражать в категориях скуки и пустоты. Это его путь, исход, несознаваемая перспектива (цель) его деятельности: «Лихорадка работы с него *соскочила* и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством» (Тургенев, с. 171).

Лексико-эмотивная «немоть» чревата для алекситимика печальными соматическими последствиями: ведет к телесным болезням и изменениям психического (эмоционального) тонуса. Как признается сам Базаров, его «машина расклеилась», налицо диагностические признаки болезни: «желтый язык», «сигарка не вкусна» (Тургенев, с. 104). Тело, осуществляющее механические действия, не находящее места, где бы произошло воссоединение с душой, начинает мстить герою и «разговаривать» с ним симптомами болезни.

Значимая, но трудновыводимая (и трудноопысываемая) причина алекситимии Базарова может быть **связана и с младенчески-детскими отношениями «мать — сын» и отношениями «отец — сын».**

Чрезмерное материнское доминирование, обнаруживающее себя и в излишней заботе, и всеобъемлющей любви, может стать первотолчком формирования алекситимичной личности. Как замечает Д. Макдугалл, такие матери слишком «материнские» и «чересчур хорошие»: «Они слишком любят, прекармливают, сверхзаботливы и ужасно тревожатся о своих детях» [Макдугалл 2002, с. 121].

Арина Власьева обнаруживает своим отношением ко взрослому Базарову материнскую чрезмерную любовь как любовь к «сыну-младенцу». Она встречает сына «умиленно-блаженно» со слезами радости, с возгласами «Енюша, Енюша» (Тургенев, с. 106). Для нее сын и «батюшка-то мой», и «голубчик-то, Енюшенька» (Тургенев, с. 106), и «красавчик» (Тургенев, с. 107).

Для матери «взрослый сын-младенец» является идеализированным существом и желанным объектом не только для созерцания: «Арина Власьева не замечала Аркадия... она не сводила глаз с сына» (Тургенев, с. 112), — но и прежде всего для кормления. Только в кормлении мать имеет преимущество и доминирование над «взрослым сыном-младенцем».

Д. Макдугалл описывает, как «прекармливание» порождает «бегство» от материнской зависимости в алекситимию, которая в таком случае становится мощной защитой от посягательств извне на внутренний мир, самочувствие и существование «человека-младенца». В младенчестве ребенку «приходится зависеть от матери, от ее груди, чтобы быть сытым» [Макдугалл 2002, с. 188]. При прекармливании «ребенка скоро переполняет невосприимчивый аффект, который можно назвать яростью или даже

ненавистью... в этом состоянии ребенку-грудничку нужно срочно избавиться от мучающего образа груди-матери, с которым в данный момент связаны эти чувства. Желанная грудь (и все, что она в себе заключает) становится объектом ужаса, чьи репрезентации изгоняются из психе вместе с сопутствующим аффектом...» [Макдугалл 2002, с. 189]. Отсюда перед матерью, заключает Д. Макдугалл, в интимном общении с ребенком стоит деликатная задача: «Она должна представлять собой не только все ценные качества “грудь-вселенной” (пищу, тепло, нежность, жизнь и т. п.), но и должна в то же время быть той, которая помогает своему ребенку избавиться от преследующей и ненавистной груди, которую сам ребенок не сможет в одиночку изгнать без огромного психического ущерба. Таким способом грудь одновременно становится образом идеализации и преследования» [Макдугалл 2002, с. 189].

В контексте сказанного об особенностях интимных отношений ребенка и матери можно с уверенностью предположить (с опорой на текст), что мать Базарова Арина Власьева с «деликатной задачей» не справилась — и сын стал жертвой прекармливания. Арина Власьева перекармливала сына в младенчестве и сохранила эту привычку перекармливать и в последующем.

В романе образ матери постоянно соотносится с процессом кормления (говоря психоаналитическим языком), с феноменом «младенческого прекармливания»: «Одно скучно — мать у меня такая сердобольная: коли брюха не отрастил да не ешь десять раз на день, она и убивается» (Тургенев, с. 104), «Она у меня без хитрости. Обед нам, посмотри, какой задаст» (Тургенев, с. 108), «Сию минуту, Василий Иваныч, стол накрыт будет, сама в кухню сбегает и самовар поставит велю, все будет, все. Ведь три года его не видала, не кормила, не поила, легко ли?» (Тургенев, с. 107), «Как бы, голубчик, узнать: чего Енюша желает сегодня к обеду, шей или борщу?» (Тургенев, с. 171).

В детские годы Базаров преодолевает-снимает свою зависимость от матери (от чрезмерной любви и «младенческого прекармливания») бегством к «осине на краю ямы». Психоаналитики утверждают, что от аффекта «младенческого прекармливания» убежать нельзя: актуальный аффект «перегружается», смещается на другую репрезентацию [Макдугалл 2002, с. 155–157]. Таким образом бегство к «осине на краю ямы» является для Базарова возвращением к «материнскому», где нет, однако, зависимости от «материнского прекармливания» («я никогда не скучал возле них»). Подсознательную тягу к репрезентациям «материнского», где бы он «никогда не скучал» и доминировал, Базаров обнаружил в усадьбе Кирсановых. Здесь «перегруженный» аффект выражен образами «болотца» и «осиновой роши». Базаров, возвращаясь после утренней прогулки в усадьбу с лягушками (с жертвами его доминирования), на вопрос Николая Петровича отвечает: «Тут у вас болотце есть, возле осиновой роши» (Тургенев, с. 27). Примечательно не то, что в имени Кирсановых есть болотце воз-

ле осинового роши, а то, что герой вербализует под- сознательно значимое, в репрезентациях которого скрывается, притаился «младенческий аффект». Поэтому не случайно данная символическая репре- зентация «материнского» «разыгрывается» И.С. Тур- геньевым в пределах устойчивого комплекса корм- ления (доминирование «материнского» в кормле- нии и бегство сына от «прекармливания» к соб- ственному доминированию): «Вы их (лягушек. — Г.К.) едите?.. Это он их резать станет» (Тургенев, с. 27). Правда, в рассматриваемой ситуации мы уже имеем дело не с характеристикой базаровского подсознания-восприятия, а с эмблематизацией ху- дожественного сознания Тургенева, не упускаю- щего случая оформить эпизод в мотивном комп- лексе кормления.

Бегство с «материнской территории кормления», естественно, не означает отказа от кормления во- обще: цель бегства — перераспределить, присвоить себе функцию доминирования, перейти от состоя- ния вечного материнского доминирования в корм- лении к собственному господству, — прийти к сво- ей идентичности. Свое «освобождение» от мате- ринской опеки, свою «освобожденную личность» Базаров поведенчески демонстрирует в первый день пребывания в гостях у Кирсановых: «Особенно Базаров почти ничего не говорил, но ел много» (Тургенев, с. 19).

Базаров за столом — впечатляющая картина в глазах хозяев дома, особенно в глазах «изящно- го, породистого» Павла Петровича, который «ни- когда не ужинал» (Тургенев, с. 18, 19): «Этот во- лосатый» с красными руками и жесткими и широ- кими ладонями, не пожелавший после долгой до- роги, как захотел Аркадий, “почиститься” («неза- чем» (Тургенев, с. 18), выразил только одно свое доминантное желание: «Поесть действительно не худо» (Тургенев, с. 18).

Как показывает текст романа, на алекситимич- ность Базарова повлиял отец с его суровой спар- танской этикой. Он и в усадьбе предстает в образе потрепанного временем воина: отец Базарова — «высокий, худощавый человек, с взъерошенными волосами и тонким орлиным носом, одетый в стар- рый военный сюртук нараспашку. Он стоял, рас- топырив ноги, курил длинную трубку и шурился от солнца» (Тургенев, с. 105), «У меня здесь все по простоте, на военную ногу» (Тургенев, с. 106), «Мы живем здесь, так сказать, на бивуаках...» (Турге- нев, с. 108).

Проявление чувств не поддерживается главой семейства. Василий Иванович просит, чтобы жена «свернула» выражение своих слезливых эмоций радости как что-то неприличное, недостойное, стыд- ное: «Ну, полно, полно, Ариша! Перестань... Это совсем не нужно! пожалуйста, перестань», «Арина Власьевна, успокойся, сделай одолжение: что за малодушие? Господин гость должен осудить тебя» (Тургенев, с. 106). Для него излишние чувства в соответствии с его мужской (военной) этикой — это проявление «женской слабости», «малодушия» (Тургенев, с. 106).

Хотя сам Василий Иванович по природе своей человек чувствительный и эмоционально отклика- ющийся, но он хотел бы, чтобы его сын был та- ким, каким он сам не является: «Василий Ивано- вич повел всех в сад, для того чтобы полюбоваться красотой вечера. Проходя мимо скамейки, он шеп- нул Аркадию:

— На сем месте я люблю философствовать, гля- дя на захождение солнца: оно приличествует пус- тыннику. А там, подальше, я посадил несколько деревьев, любимых Горацием» (Тургенев, с. 112).

И.С. Тургенев показывает, как в поведении отца Базарова, который стремится подавить в себе «жен- скую слабость» и «малодушие», происходит про- цесс соматизации чувств, вытеснения их в сферу телесного, мимического: «А у самого и губы и бро- ви дергало, и подбородок трясся... но он, видимо, желал победить себя и казаться чуть не равнодуш- ным» (Тургенев, с. 106).

Базаров перенял от отца привычку изъясняться пословицами и поговорками, его словечко «баста», а также его «солдатскую» привычку курить и жить «на бивуаках». Но главное, он усвоил отцовский урок: чтобы быть настоящим мужчиной — надо скрывать собственные чувства.

Заключение

Как видим, истоки «эмоционального бесслове- сия» Базарова связаны с родителями, с их сердечным отношением к сыну («Нам не дано предугадать...»). Между отчим домом и Базаровым лежит психологи- ческая пропасть, «выкопанная» родителями.

Поэтому вполне понятно, почему Базаров бо- лее чем на полтора месяца откладывает поездку домой, возвращение в родительский дом: он кру- жит возле «материнского очага», но домой долго не едет, не приезжает даже на день своего Ангела, когда его особенно ждут мать и отец. Для Базарова родительский дом связан с чувством скуки: «суч- но» (Тургенев, с. 126); «Я чувствую только скуку да злость» (Тургенев, с. 119).

Э. Фромм указывает, что в скуке человек стра- дает от недостатка психической продуктивности, а в пространстве, в объектах, порождающих скуку, таится что-то неинтересное, безжизненное и мерт- вое [Фромм 2002, с. 212–213].

Л. Свендсен, исследуя феномен скуки, связы- вает скуку с теми качествами, которые свойствен- ны алекситимику, — с нигилизмом и операцион- ным мышлением: «Расцвет скуки связан с расце- том нигилизма... В отсутствие Бога человек берет на себя роль центра гравитации, но исполнять эту роль ему практически не по силам... Мир стано- вится скучным, когда все предметы и явления ви- димы... Скука — как своего рода бесцветное пред- вкушение смерти» [Свендсен 2003, с. 45, 52, 53].

Родительский дом оказывается для Базарова «фобийным» местом, которое пробуждает в созна- нии героя образы и состояния скуки, пустоты, тем- ноты, символически закрепленные в последнем его восприятии-вздохе уходящей жизни — смерти: «Те- перь... темнота...» (Тургенев, с. 183).

Источники фактического материала

Достоевский – Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986. Т. 14. 511 с. Т. 25. 465 с.

Тургенев – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2014. Т. 7. 562 с.

Библиографический список

Коростелева 1993 – Коростелева И.С., Ротенберг В.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // Телесность человека: междисциплинарные исследования: сборник статей. М., 1993. С. 136–143.

Лейбниц 1982 – Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982–1989. Т.2. 686 с.

Макдугалл 2002 – Макдугалл Дж. Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене. СПб.: Издательство ВЕИП, 2002. 312 с.

Манн 1987 – Манн Ю.В. Базаров и другие // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. С. 97–132.

Маркович 2018 – Маркович В.М. О Тургеневе: работы разных лет. СПб.: Росток, 2018. 541 с.

Маркович 2008 – Маркович В.М. Роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 годов // Тургенев И.С. Отцы и дети / Серия «Литературные памятники». СПб.: Наука, 2008. 640 с.

Masing-Delic 1985 – Masing-Delic I. Базаров перед Сфинксом: научное анатомирование и эстетическая форма в романе Тургенева «Отцы и дети» // *Revue des études slaves*, tome 57, fascicule 3, Paris, 1985. С. 369–383.

Москачева, Холмогорова, Гаранян 2014 – Москачева М.А., Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Алекситимия и способность к эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22. № 4. С. 98–114. URL: <http://psyjournals.ru/mpj/2014/n4/74168.shtml>.

Паскаль 2009 – Паскаль Б. Мысли. М.: Аванта+, 2009. 256 с.

Свендсен 2003 – Свендсен Л. *Философия скуки*. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 256 с.

Томпсон 2000 – Томпсон Д. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб.: Академический проект, 2000. 344 с.

Трунов 2010 – Трунов Д.Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии // Вестник Пермского университета. Серия «Философия, психология, социология». 2010. Вып. 2 (2). С. 93–99. URL: http://philsoc.psu.ru/files/science/2010_2.pdf.

Фромм 2002 – Фромм Э. Гуманистический психоанализ. СПб.: Питер, 2002. 544 с.

References

Korosteleva 1993 – Korosteleva I.S., Rotenberg V.S. *Problema aлекситимии v kontekste povedencheskikh*

kontseptsii psikhosomaticheskikh rasstroistv [The problem of alexithymia in the context of behavioral concepts of psychosomatic disorders]. In: *Telesnost' cheloveka: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statei* [Human physicality: interdisciplinary studies. Collected papers]. M., 1993, pp. 136–143 [in Russian].

Leibniz 1982 – Leibniz G.V. *Sochineniya: v 4 t.* [Writings: in 4 Vols.]. M.: mysl', 1982–1989, Vol. 2, 686 p. [in Russian].

McDougall 2002 – McDougall J. *Teatr dushi. Illyuziya i pravda na psikhoanaliticheskoi stsene* [Theatre of the soul. Illusion and truth on the psychoanalytic stage]. SPb.: Izdatel'stvo VEIP, 2002, 312 p. [in Russian].

Mann 1987 – Mann Yu. V. *Bazarov i drugie* [Bazarov and others]. In: Mann Yu.V. *Dialektika khudozhestvennogo obraza* [Dialectics of the artistic image]. M.: Sovetskii pisatel', 1987, pp. 97–132 [in Russian].

Markovich 2018 – Markovich V.M. *O Turgeneye: raboty raznykh let* [About Turgenev: works of different years]. SPb.: Rostok, 2018, 541 p. [in Russian].

Markovich 2008 – Markovich V.M. *Roman I.S. Turgeneva «Ottsy i deti» v otechestvennom literaturovedenii 1952–2006 godov* [I.S. Turgenev's novel «Fathers and sons» in the domestic literary criticism of 1952–2006]. In: *Turgenev I.S. Ottsy i deti. Seriya «Literaturnye pamyatniki»* [«Fathers and sons». Series «Literary monuments»]. SPb.: Nauka, 2008, 640 p. [in Russian].

Masing-Delic 1985 – Masing-Delic I. *Bazarov pered Sfinksom: nauchnoe anatomirovaniye i esteticheskaya forma v romane Turgeneva «Ottsy i deti»* [Bazarov in front of the Sphinx: scientific anatomy and aesthetic form in the novel by Turgenev «Fathers and sons»]. *Revue des études slaves*, tome 57, fascicule 3, Paris, 1985, pp. 369–383 [in Russian].

Moskacheva, Kholmogorova, Garanyan 2014 – Moskacheva M.A., Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. *Aleksitimiya i sposobnost' k empatii* [Alexithymia and power to empathy]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2014, Vol. 22, no. 4, pp. 98–114. Available at: <http://psyjournals.ru/mpj/2014/n4/74168.shtml> [in Russian].

Pascal 2009 – Paskal B. *Mysli* [Thoughts]. M.: AVANTA+, 2009, 256 p. [in Russian].

Svendson 2003 – Svendsen L. *Filosofiya skuki* [Philosophy of boredom]. M.: Progress-Traditsiya, 2003, 256 p. [in Russian].

Thompson 2000 – Thompson D. *«Brat'ya Karamazovy» i poetika pamyati* [«The Brothers Karamazov» and the poetics of memory]. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000, 344 p. [in Russian].

Trunov 2010 – Trunov D.G. *Vidy i mekhanizmy funktsional'noi aлекситимии* [The types and mechanisms of functional alexithymia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya, psikhologiya, sotsiologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2010, Issue 2(2), pp. 93–99. Available at: http://philsoc.psu.ru/files/science/2010_2.pdf [in Russian].

Fromm 2002 – Fromm E. *Gumanisticheskii psikhoanaliz* [Humanistic psychoanalysis]. SPb.: Piter, 2002, 544 p. [in Russian].